

Андрей Положенцев

ОПЫТ МЕТАФИЗИКИ ЖИВОТНОГО

АНДРЕЙ ПОЛОЖЕНЦЕВ (род. в 1966 г. в посёлке Первомайский Оренбургской области) — философ. Закончил философский факультет С.-Петербургского государственного университета и факультет этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Кандидат философских наук. Преподаёт на кафедре этики Института философии СПбГУ. В сферу научных интересов входят социальная этика, этнология, философия науки. Предметом исследований являются сакральные феномены новоевропейской мысли: субъект, власть, разум, деньги. В 2007 году выпустил книгу «По лицу бездны».

*Животное есть солнце...
его субъективность подобна свету.*

Гегель. Философия природы

Пролог: Откровение зверю

«Что Тебе сын человеческий, что так печёшься о нём паче всех тварей? Или я не создание Твоё? Или я сделал хоть что против воли Твоей?»

Так взывал волк морозной ночью, которая темнее мрака, темнее глаз Твоих. И Ты, как было в обычае Твоём, услышал вой его, и сказал:

— Вот тебе шкура овечья, одень её, и пойдя к человеку, и посмотри, как он служит Мне.

И пошёл волк в люди.

Трансцендентность животного

Так получилось, что само... чувствие животного (ведь мы не имеем метафизического права говорить о его самосознании) остаётся для нас ещё большей загадкой, чем даже самосознание бога. Правда, уже греческая философия (Платон, Аристотель, Эпикур) подробно описывает структуру божественного ума и желания. С животным намного хуже. Мы отдаём его во власть тьмы, сна, инстинктов, рефлексов. В общем, перемещаем его существо и существование в область неопределимого, экзистенциально трансцендентного. Божество не настолько трансцендентно человеческому существованию, как животное. Человек есть испорченная модель божественного сознания, тогда как экзистенция животного недостижима для него онтологически. И это странно, поскольку человек есть... животное. Зоология его определяет приблизительно как *хордовое млекопитающее* из отряда *приматов* семейства *гоминидов* и т. д. и т. п. Однако таким же образом будет определяться и шимпанзе, которого никто не назовёт неживотным. Другими словами, экзистенция животного не может быть абсолютно недоступна человеку. И всё же это так. Логос — вот то, что ставит непреодолимый барьер между человеком и животным. У богов и у человека есть логос, и они онтологически более родственные существа, нежели животные и бессловесная основа нашего тела. Однако за этой онтологической очевидностью может стоять и метафизическое насилие: животному отказано в самосознании и вообще в какой-либо внятной идентичности. Она не является результатом его целевой деятельности, его идентичность задаётся внешними инстинктивными и, в общем-то, враждебными его существу силами. Здесь стоит задаться вопросом:

Враждебно ли бытие живому?

Интеллектуально развитая античность не хотела знать творца-самодура, обрекающего свои творения на муки ради достижения каких-либо внешних для тварей целей. Поэтому основание мира они называли *благом*. И не только Платон с Аристотелем. Стоики, эпикурейцы, неоплатоники, пифагорейцы полагали основой мира безличное благо, которое делает любое существование желанным¹. Существование богом более желанно, чем существование смертным, а бытие человеком — более достойно

¹ Подчеркну, что это благо безлично. Для античности, видимо, это было принципиально. Личность имеет предпочтения и оценки, безличный принцип объективен. Это было, безусловно, новое слово в рефлексии над основанием мира.

и совершенно («добродетельно», как переводят сейчас термин античной этики *αρετή*), нежели бытие животным. Быть животным лучше, чем растением, а растением — чем камнем. Но всем видам сущего дан кусочек блага. И невозможно помыслить основанием мира злой произвол. Греки не знают выбора между добром и злом. Добро есть благо, здоровье и богатство. Противоположное им есть зло. А у кого хватит ума выбирать между богатством и его отсутствием или нехваткой? Даже ещё Кант полагал, что последним оправданием бытия мира может быть добрая воля, и если человек таковой не обладает, то он обрекает на бессмысленность весь космос. И не напрасно Паскаля страшило молчание этих бесконечных пространств Ньютона и Декарта. Однако уже для Шопенгауэра бессмысленность и изначальная злость (эгоизм) мировой воли есть черта фундаментальная, которая очень импонирует его последователям (Ницше, Э. Гартману).

Животное не обделено благом. Более того, оно «купается в бытии», быть для него — родная стихия, и самое беззащитное создание будет грызться до последнего за своё право быть. Животное непосредственно поглощено самим актом существования, оно не заслонено какими-то «насущными» или высокими целями, как у человека. Поэтому существование животного более похоже на жизнь божественную, как её понимали эпикурейцы и стоики². Если же предположить наличие воли в творении мира, то как раз существование животного и даст необходимые сомнения возражающим против существования этой воли. Ведь если всё живущее есть звено в пищевых цепочках, то зачем тогда это звено радуется бытию? Злая, или даже просто «разумная», рациональная воля должна была бы лишити животного, да и человека вместе с ним, радости существования, хотя бы из чувства сострадания. Чему радоваться, если все смертны, если тебя неминуемо сожрут? Да и безличная и несправедливая природа поспешила бы в таком случае включить какой-нибудь защитный механизм и лишила живое радости, поскольку вкусившему радость умирать больнее, нежели вкусившему только голод, холод и печаль. Так что наличие животного если и не представляет дополнительного аргумента в наличие благой трансцендентной воли, то по крайней мере заставляет серьёзно усомниться в отсутствии таковой.

Человек есть проблема для самого себя. Животное не есть проблема вообще. Оно отдано бытию. Быть — его стихия. Только животное по-настоящему существует. Человек же существует по-настоящему лишь тогда, когда уподобляется животному. Когда отдаётся стихии бытия без рефлексии. Но при этом он теряет возможность знать о том, что он существует.

² Вспомним, как Сенека ставил жизнь мудреца выше божественной именно потому, что мудрецу приходится преодолевать свою низкую природу, а от такой моральной работы божество освобождено своей природой.

Гегель, например, не отказывал животному в способности рефлексии³, — оно обладает более высокой степенью разумности, нежели рас-судок, утверждающий бытие исключительно чувственных вещей⁴. Конрад Лоренц уверял, что животные переживают эмоции намного сильнее чело-века именно потому, что переживания у них искренни и не опосредованы логосом. Любовь и преданность животного опирается не на ваши нрав-ственные, интеллектуальные, социальные и пр. достоинства, а на вас самих. Только само существо является для животного предметом любви или нена-висти, а не его поступки или достижения. В этом смысле животное анти-ресентиментно (в понимании Макса Шелера, который определял ресенти-мент как чувство, противоположное любви, как зависть не к какому-либо имуществу или достоинству другого человека, а как зависть к самому его существованию⁵).

Неопределимость животного

Прежде чем выстраивать свои моральные отношения с живым, следует решить метафизически: что есть живое? Джорджо Агамбен в своей книге «Открытое: человек и животное» (2002) приводит достаточное количе-ство попыток новоевропейской мысли определить сущность человека че-рез отрицание животного, и животного через отрицание человеческого.

³ «Животная природа, которая в действительности и внешности непосредственной единичности есть вместе с тем *рефлектированная в самой себе* самость *единично-сти*, в самой себе сущая субъективная всеобщность» // Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Том 2. Философия природы. М., 1975. С. 461.

⁴ «Даже животные не лишены этой мудрости, а, напротив, оказываются глубочай-шим образом посвящёнными в неё; ибо они не останавливаются перед чувственными вещами как вещами, сущими в себе, а, отчаявшись в этой реальности и с полной уверенностью в их ничтожности, попросту хватают их и пожирают; и вся природа празднует, как они, эти откровенные мистерии, которые учат тому, что такое ис-тина чувственных вещей» // Г. В. Ф. Гегель. Феноменология духа. СПб., 1992. С. 9.

⁵ «Самая бессильная зависть — это в то же время самая ужасная зависть. Поэтому зависть, ведущая к формированию наиболее сильного ресентимента, — та, что на-правлена на индивидуальную сущность и бытие другой личности: экзистенциальная зависть. Она словно беспрестанно нащёптывает: „Всё я тебе могу простить; только не то, что ты существуешь и что ты есть существо, которое ты есть; только не то, что не я есть то, что есть ты; что ‘Я’ не есть ‘Ты’!“ Такая зависть с самого начала слов-но бы лишает другую личность права на существование, которое воспринимается как „гнёт“, „вызов“, умаление до ничтожных размеров собственной личности» // М. Шелер. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 25.

В итоге метафизика становится определённого рода политикой по отношению к живому. Однако на метафизическом и логическом уровнях разделение оказалось не проведённым. Человек есть негатив животного, а животное — позитив человека. Особого внимания заслуживает один из эпиграфов к книге, слова Жоржа-Луи Бюффона: «Если бы животных не существовало, природа человека была бы ещё более непонятной». Но эта неопределённость живого, и, может статься, неопределённость отнюдь не временная, не может быть препятствием к тому, чтобы относиться к живому как к живому. Метафизика предшествует этике не по времени, а по существу.

Человек определяет себя и посредством отрицания и посредством причисления себя к животным. Причисление себя к ряду животных есть скорее дань неудачной метафизике, которая прочно укоренилась в сегодняшней мысли. Человек находит себя исключённым из мира животных и причисляет себя к ним на основании познания своего тела, но не своей сущности. Тело же эта неудачная (непродуманная) метафизика посчитала основанием и жизни вообще, и человеческой жизни. Она отталкивается от тела как от очевидности. А очевидно то, что у человека животное тело. Некоторые философы этого стыдятся.

С каких-то пор нас это перестало удивлять. Вернее, мы научились с этим жить, не обращать на это внимание. Мы оставили свою метафизику как нечто несущественное для нас. Но когда-то человек, вернее существо, сначала осознавшее самого себя, и затем начавшее выяснять, кто оно (это было важной частью жизни того существа), обнаружило свою животность и с удивлением потребовало объяснений. Собственная животность не вошла в круг его самоосознаний. Да и животность оно обнаружило скорее в другом существе, а не в самом себе. Это положение можно осмысливать по-разному. Например, как результат собственной падшести. Дух был брошен в звериное тело за какое-то страшное преступление. И существо занялось выяснением того, что оно совершило.

Так как оно ничего об этом не помнило, то оно представило, что потому не помнит, что само преступление было причиной того, что оно стало разумным (осознающим себя). Самосознание стало защитной реакцией, способом ухода от реальности. Богословие и психоанализ претендуют на ответ на этот вопрос. Преступление сделало животное человеком. Само преступление осталось за границами человечности. Поэтому оно — трансцендентное преступление. Его можно познать только в принципе, а никак не в фактичности. Писание и психоанализ дают свои варианты этого преступления, социальная философия — свои (война всех против всех).

Дегуманизация животного

Человек есть результат двух абсолютистских концепций: античной рациональности и христианской сверхрациональности. Человек (*эллин* пока ещё) появляется с выходом в логос. Миф и построенные на нём культуры в общем-то не отделяли себя принципиально от других культур, будь то человеческих, животных или даже сакральных. Все они мыслились как вариации единого мифа, в котором каждое различие было случайным и определялось спецификой жанра и содержания. Там одна политическая или этническая структура могла оказаться на месте другой, стать господствующей, и даже богом мог стать какой-нибудь жук. Сообщества животных, людей и богов составляли единое социальное пространство, в котором они противопоставлялись лишь по способу бытия, но не по сущности. С логосом дело было не так. Он изначально определил свою исключительность. Все, кто живут по мифу — варвары. Внутри варварства могут быть свои иерархии, но по сущности все они устроены не по логосу. Христианский же абсолютизм (имеется в виду та онтология сознания, которая стояла в его основе) все иные способы существования попросту аннигилировал. Бог решил стать человеком, — о чём ещё говорить? Новоевропейская рациональность сделала это положение методологическим принципом. Только самосознанию отведена роль разума-власти. Классики новых социальных теорий констатировали выход к подлинным основам бытия только в данных рационально-политических формах (буржуа — истинный человек).

Человек может только мечтать о такой форме открытости, какую знает животное. Животное показывает человеку качественно иную возможность быть. Правда, человек опошляет и обесценивает животное бытие унижением жизни. Но животное этим не унижается. Унижается именно человек. В его руках жизнь животного превращается в ад. Но это доказывает лишь то, что человек не причастен Творцу. Он причастен аду. И это очень странно. Ведь именно и только человек, говорим мы, имеет представление о морали. Тогда стоит задуматься, почему так обстоит дело.

Мы пытаемся подвести правовые основания для наших отношений с миром животных. И у нас не возникает попыток установить эти основания метафизически. Существование животного — моральное испытание для человека. У человека здесь может открыться новая цель:

Стать животным

Здесь — сладость возврата. Возвращение есть обнаружение собственной сути. Нам, людям, уже давно «некуда пойти». А значит, и некуда возвращаться. Мы ушли так далеко, что любое перемещение происходит

только в сфере мысли. Из этого положения дел родились метафизика, философия, о смерти которых было не так давно открыто объявлено. Впрочем, как помним, после объявлений о смерти Бога. Но ведь нет никого сильнее мертвеца. Наука (в том виде, в котором она оформилась в нынешнем веке) и её обыденное воплощение полагают мир исчерпанным тем набором потребностей и жизненных стратагем, которые развила наша цивилизация. Она, подобно чёрной дыре, поглощает все прочие экзистенциальные стратегии, делая их невозможными *в принципе*. В лучшем случае она способна их капитализировать, включить в оборот привычных ходов: сделать стратегию массовой и продавать её, продавать, продавать. Однако нужно помнить, какой ценой покупается *такое* движение. Смерть Бога — не самое страшное событие. Это событие, поражающее воображение, и только его, совершается в виртуальности. Наше же развитие (в том числе и смерть Бога) покупается смертью живого. Смерть Бога есть смерть животного в Боге, а не только смерть животного в человеке. И нет в этом уничтожении никакого блага. Здесь уже выход в подлинную реальность. Здесь технологии, метафизика, религия и миф сходятся в одной точке, которую не так-то легко рационализировать, но в которой довольно просто существовать.

В нашей обыденной метафизике животное, человек и Бог отделены друг от друга непроходимыми пропастями. К этому положению прикладывали руку все великие метафизики: Аристотель, Декарт, Кант. Справедливости ради следует сказать, что было и обратное движение. Были и киники, и Ламетри, и Гегель, доказывавшие духовное достоинство животных. Но их онтологические аргументы так и остались целиком внутри их философских систем, тогда как постулаты противников вошли в плоть и кровь современного мира, и на их силе покоятся все те действия, которые формируют нашу с вами реальность. Батай называл мир животных «сообществом без сакрального». Но здесь кроется острейшее онтологическое превосходство животного. Если у них нет сакрального, то нет и профанного. Кант, объясняя устройство воли высшего существа, говорил, что у святого не может быть морали, так как его воле не противопоставлены злые мотивы, его воля изначально блага и у неё нет необходимости прибегать к моральному выбору. Так и у животного: ему не нужно исповедовать сакральный мир, поскольку оно в нём существует. В его мире нет скверны и лжи. Быть может, поэтому у них нет и языка в человеческом, в профанном смысле. Итак, рассмотрим три мотива: *сакральное, мораль, знание*.

Сакральное

Животное, конечно, есть средоточие религиозного культа. Не прибегая к богословским и толковательским приёмам, остановимся на очевидном и известном: Писание говорит, что животные созданы раньше человека,

и что Адам дал животным имена. В античной терминологии животные относились к тварям бессловесным и смертным. Логос и смерть являются основными классификаторами существ: бессловесные и смертные — это животные, логосные и смертные — это люди. Далее к этим двум классификаторам прибавляется третий: тварность/нетварность. Тварные словесные бессмертные — это ангелы, нетварные словесные бессмертные — это боги. И есть ещё класс тварных бессловесных бессмертных существ, — это всевозможные стихии, силы и качества.

Как видим, животное в этой картине мира занимает хотя и низшее, но фундаментальное место. Без него картина была бы неполной, нелогичной, архитектурно уязвимой. Без животного невозможно было бы выделять логосных существ (людей) и высших созданий (ангелов). Животное являет собою возможность высших и разумных миров. Однако вправду ли они занимают низшее место в мировой иерархии?

Как мы помним, эсхатология немыслима без присутствия животных. Это и зверь-антихрист, и Агнец, и лев с ягнёнком, и четыре главных персонажа Апокалипсиса: Орёл, Лев, Вол и Петух, ставший впоследствии Человеком. Присутствие животного в Начале и в Конце времён не случайно. Кажется случайным лишь то, что его нет в Середине мира. Мы, правда, знаем, что Спаситель есть агнец божий, но принимаем это как метафору. Но метафора есть основа жертвоприношения: жертва всегда есть замещение. И если смерть Бога является центральным событием мировой истории, делающим возможным бессмертие человека, то следует учесть, что смерть Бога стала возможной потому, что прежде уже была смерть животного. Смерть животного есть условие возможности смерти Бога.

Мораль

В Сети часто можно наткнуться на документальные видео, в которых то кошка спасает человеческое дитя от разъярённой собаки, то медведь вытаскивает из воды тонущую ворону, то бегемот защищает антилопу от крокодила, то... Тема понятна. Животные ведут себя по-человечески, тогда как люди... а люди же ведут себя как субъекты. Человек занят технической стороной дела: снять поступок животного на камеру, «выложить» его в YouTube, дать сюжету имя да написать комментарий. Он не бросается спасать ребёнка, но то, что он записывает событие на видео, говорит о том, что он обладает способностью оценивать действия животных как поступки.

Несмотря на сложность поведения в таких ситуациях, мы видим, что мотивация и основания поступков со стороны животных и человека перевернулись: животные поступают как люди, люди — в силу своего бездействия, или в силу занятости в иной, трансцендентной событию сфере,

сфере логоса, сфере преобразования и записи события, перекодировке его в логос — уподобляются животному. Человек берёт пример с концептуальной матрицы животного. С матрицы, заложенной в основание новоевропейской метафизики. Субъект стремится стать безучастным и бескорыстным, как животное, поскольку боги уже не годятся на эту роль, они потеряли свою невозмутимость, беспечность и объективность: то ли после собственной смерти, то ли после воплощения и претерпевания страстей. Отныне только животное способно занять сакральное место. И, следует заметить, что мы с каким-то остервенением бросились приносить его в жертву.

Но возможность принести животное в жертву говорит о его онтологическом превосходстве. Речь идёт о том, о чём новоевропейский субъект никогда не готов был слышать: о возможности высоких и бескорыстных мотивов в животном мире. Условием этого отказа является определённая метафизическая позиция. В отличие от многих некритических и обывательских метафизических положений (только имеющих силу метафизических, но по природе своей мифологических), данное положение является одним из фундаментальных для новоевропейской рациональности. Целая плеяда блестящих основателей новой рациональности считали животное механизмом. И, несмотря на открытую этой же рациональностью животную природу человека, субъект продолжает выделять себя из этого царства всеми возможными средствами: метафизическими, биологическими, социальными, когнитивными, экзистенциальными.

Но наша задача сейчас состоит в том, чтобы, просто обозначив это различие, точнее, постоянное метафизическое воспроизводство различия, дать описание той формы сознания, которая отрицается новоевропейской метафизикой субъекта. Если мы посмотрим на философские опыты, точнее, будем иметь их в виду, то убедимся, что каждый метафизик знает, как устроен внутренний мир животного. Он нам говорит, что животное не мыслит, не осознаёт, не думает и пр. Значит, он в полной мере знает, что такое «не мыслить», «не быть». Мы же попытаемся сделать описание существования животного не в апофатических терминах, а положительно.

Знание

Ещё Ламетри не был удовлетворён положением Декарта о животном-машине. С одной стороны, он выдвигает тезис «животное больше, чем машина», с другой, тезис «человек — машина». Поставить животное в один ряд с органикой не позволяла ни зоология (человек имеет животную основу), ни метафизика (человек — носитель логоса). Более всех выступал за придание онтологического достоинства животному, по-видимому, Гегель. Тема особого знания животными таинств мира звучит у него в мистическом виде в «Феноменологии духа», в философском — в «Энциклопедии».

Животное погружено в знание самой своей самостью. В некотором смысле его самость и есть знание. Животное не отделено рефлексией от своей сущности: оно знает, что знает то, что ему нужно знать. Сократ знает, что ничего не знает, Бог же знает, что знает всё. Животное принципиально *не знает всё*. Оно даже не знает о существовании всего. Оно не знает о знании знания, оно не знает о знании незнания. Всё, что оно есть, это его знание. В нём нет пустот, неизвестного, непознаваемого.

С какого-то момента человек взял знание животного за парадигму знания. Это выразилось в утилитаризме. И это открытие стало проектом смысла мира. Мир обрёл цель. Человек разменял бесконечность познания на конечность блага. Он распознал существование как цель. Правда, он стал лишать какого-либо доступа к смыслу животных. Они превратились в средства. Прп. Иоанн Дамаскин пишет: «По повелению же Творца, земля произвела и разнообразные роды живых существ, как пресмыкающихся, так и зверей, и домашнего скота. Всех — к благовременному пользованию со стороны человека; но одних из этих земля произвела в пищу ему, как, например, оленей, мелкий скот, серн и другое подобное; других же — для служения ему, как, например, верблюдов, волов, лошадей, ослов и другое подобное; иных же — для увеселения, как, например, обезьян; и из птиц как сорок, так и попугаев, и другое подобное... Ибо нет ни одного живого существа, ни растения, в которое не вложил бы Творец какой-либо силы, годной для человеческого употребления. Ибо [Бог], сведый вся прежде бытия их (Дан. 13, 42), зная, что человек имеет самовольно нарушить [Божескую заповедь] и предаться погибели, создал всё: и то, что на тверди, и что на земле, и что в водах, для того, чтобы он благовременно пользовался [этим]»⁶.

Этот отрывок показывает соблазнительность утилитарного отношения к живому, но не показывает путей выхода из той пропасти, в которую человек ввергнул мир, вместе с Богом. Напротив, в нём говорится, что это и значит предаться погибели. Между тем, после всех экспериментов с убийством Бога, разрушением кумиров и уничтожением сакральных миров, через которые прошёл человек в своём становлении субъектом, у нас остался один выход из истории и тех тупиков, в которые она нас завела: стать кроткими и мудрыми, стать подлинным животным, обрести существо животного как высшую степень собственного достоинства и — поскольку мы любим познать — обрести, наконец, истину; знать так, как знает бытие животное.

Эпилог: Волчья песня

Человек забыл, что он — животное. Если спросить у человека, что он забыл, первое, что он скажет: я забыл, что я животное. Я расскажу тебе о том, что ты забыл, и что ты потерял вместе с этим.

⁶ Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 2003. С. 55.

Есть много благ, которых лишился ты. Ты лишился блага боли и блага крика. Тебе нужен Логос, чтобы почувствовать себя человеком. Тебе нужен Бог. Но и с ним ты не стал человеком: застрял в ничто, между богом и животным.

Это, конечно, хорошо, когда «душа поёт». Песня — это святое. Только святой её делает не слово, заключённое в ней, а крик. Не λόγος, а φωνή. Потому песня противоположна слову, которого из неё, правда, не выбросишь. Песня лжёт со стороны логоса, но не со стороны бытия. Здесь она всегда подлинна. То есть — крик.

Кричать ведь может и животное. И, как правило, именно оно и кричит. Хотя когда человек кричит, это не совсем то, что животное. Страшно, когда человек кричит, как животное. Но и когда кричит животное, тоже страшно. Всякому, у кого есть сердце, даже животному — страшно.

Если сказать по-умному, логос есть воплощение тотальности экзистенции (помню, обещал без лжи), тогда как крик есть сущность бытия. В крике мы имеем сгусток бытия, поскольку сущность мы понимаем именно как сгусток, как ипостась. Более того, в крике мы имеем дело именно с бытием. Мы впервые сталкиваемся с бытием, когда слышим крик. В слове мы лишь понимаем, что здесь *должно* быть самосознание, в крике мы сталкиваемся с самим бытием, со сгущением бытия.

Речь можно спутать со звуком (с журчанием реки, например, с лепетом листвы), крик не спутаешь ни с чем. Да, Слово есть Бог, но крик есть животное. И Спаситель кричал на кресте. В крике нет вопроса о смысле, крик есть абсолютная бесчеловечность. Паскаля мучило молчание бесконечных... Он совсем не слышал, потому что не слушал. Он искал смыслов, самосознания, — он искал Бога, который и есть самосознание. Однако поиски его были примитивными: он искал Его в... протяжённой субстанции! Потому что в мыслимой Его не могло быть априори.

Что там у вас (у людей) было? А было всё тупо и бесчеловечно. За камнями вы признавали бытие, а за криком — нет. Камень, он ведь увесистый, им можно долбануть. Камень есть сущее. Между тем, по-настоящему сущим будет не то, что лежит, и даже не то, что мыслит, а то, что кричит. Крик есть крик самого бытия, а не животного. Животное потому есть нутро бытия. Впрочем, это — и буквально. А камни не есть. И калькуляторы (субстанция мыслящая) не есть. Мы — не воплощённые калькуляторы (машина с встроенным самосознанием), мы — сама суть бытия.

Кому кричит животное? Какую «информацию» передаёт? Какой силлогизм умозаключает? Никому и никакую. Животное наедине с бытием. С ним и общается криком. Бытие не знает слов-истин. Истина для него есть то, что разрывает нутро живого.